

УДК 327.01+316.4.063.3
ББК 65

УЧАСТИЕ В ТАМОЖЕННОМ СОЮЗЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТРАН С ТРАНЗИТИВНОЙ ЭКОНОМИКОЙ

С. Ю. Солодовников
solodovnicov_s@tut.by

Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и право»
Белорусского национального технического университета, г. Минск

Аннотация

Статья посвящена исследованию социально-экономической природы таможенных союзов. Уточнены особенности формирования таможенных союзов стран с транзитивной экономикой. Раскрыты особенности Таможенного союза Беларуси, России, Казахстана как фактора повышения экономической конкурентоспособности стран-участниц. Установлено, что роль и значение расширения Таможенного союза и превращения его в ЕАЭС заключается в усилении экономической интеграции между странами-участницами, что позволяет последним не только получать дополнительные синергетические экономические эффекты, но и способствует созданию общего политико-экономического пространства, устойчивого к внешним вызовам и угрозам.

Ключевые слова: таможенный союз, расширение таможенного союза, экономическая конкурентоспособность, транзитивная экономика, экономическая интеграция.

PARTICIPATION IN THE CUSTOMS UNION AS A FACTOR OF INCREASING THE ECONOMIC COMPETITIVENESS OF THE COUNTRIES WITH THE TRANSITIVE ECONOMY

S. Yu. Solodovnikov
solodovnicov_s@tut.by

Doctor of Economics, Professor, Head of the Department «Economics and Law»
Belarus National Technical University, Minsk

Abstract

The article is devoted to the research of the socio-economic nature of customs unions. The specifics of the formation of customs unions of countries with a transitive economy are specified. The features of the Customs Union of Belarus, Russia, Kazakhstan are revealed as a factor of increasing the economic competitiveness of the participating countries. It is showed that the role and significance of the expansion of the Customs Union and its transformation into the EAEU is to strengthen economic integration between the participating countries, which allows them not only to obtain additional synergetic economic effects, but also contributes to the creation of a common political and economic space that is resistant to external challenges and threats.

Keywords: customs union, expansion of the customs union, economic competitiveness, transitive economy, economic integration.

ВВЕДЕНИЕ

В рамках Таможенного союза действуют или действовало достаточно большое количество специализированных научных центров, одним из направлений исследований которых является изучение и анализ деятельности Таможенного союза, в частности, Центр

международных исследований факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Центр социально-ориентированной экономики Института экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Информационно-аналитический Центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве при Кафедре истории стран Ближнего зарубежья Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вопросами исторических предпосылок формирования и экономической целесообразности Таможенного союза занимаются С.Ю. Глазьев, А. Кошанов, которые рассматривают создание Таможенного союза и Единого экономического пространства для стран-участниц с позиции формирования фундаментальных условий для ускорения перехода этих стран к неиндустриальной стадии общественного прогресса.

Перспективы взаимоотношений Украины и Таможенного союза в свое время были предметом изучения А.В. Ермолаева, И.В. Клименко, Т. Черняка. Развитием вопросов экономической эффективности Таможенного союза и перспективами его расширения занимались в Республике Беларусь Г.А. Василевич, Е.А. Достанко, С.Ю. Солодовников, Т.Ф. Цеханович.

В то же время проблемы функционирования и политико-экономической эффективности Таможенного союза на сегодняшний день не являются достаточно проработанными, хотя практически востребованы. Кроме того, в настоящее время недостаточно проработаны вопросы расширения Таможенного союза с позиций его экономической эффективности и способа повышения конкурентоспособности государств-участников.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Ранее нами отмечалось, что «при достаточно глубоком рассмотрении любого экономического отношения в основе его всегда обнаруживается социальный обмен деятельностью. Прогресс человеческого общества неразрывно связан с оптимизацией этого обмена, критерием которого выступает снижение транзакционных издержек» [1, с. 5]. Главной социально-экономической целью развития таможенных союзов выступает совершенствование социального обмена деятельностью и создание благоприятных условий для устойчивого экономического роста всех стран-участниц. Как известно «современная экономика перестает быть рыночной в понимании рынка первой половины XX века» [2, с. 23]. При этом особенностью современного этапа «развития экономических отношений является радикальное изменение механизмов организации обмена между производителями и потребителями. Рыночный сегмент, длительное время господствующий в экономически развитых странах, становится периферийным. Для пострыночной экономики характерно наличие высокоэффективного промышленного производства, значительное увеличение доли сектора услуг в ВВП, дальнейшее увеличение значения знаний для развития экономики, развитие интернет-технологий и новые (пострыночные) формы конкурентной борьбы. Собственно говоря, важнейшим отличием рыночной экономики от пострыночной экономики и выступают новые общественно-функциональные технологии, направленные на нелетальное разрушение социальных субъектов и ориентированные на противодействие этому разрушению» [2, с. 23].

Новая природа современной пострыночной экономики требует как использования традиционных, так и применения новых форм защиты отечественных производителей. Особенно это актуально для стран с транзитивной экономикой. При этом необходимо учитывать, что «...расширение Таможенного союза будет вести к росту экономической конкурентоспособности стран-участниц, – как нами уже писалось, – только при условии положительного синергетического влияния на этот процесс факторов его обуславливающих за счет, во-первых, снижения социальных, политических и экономических рисков (внешних

шоков), возникающих в результате усиления глобальной политэкономической нестабильности, расширения феномена глобальных финансов и растущего применения на международной арене информационного оружия как способа разрушения экономик стран-конкурентов и, во-вторых, повышающих технологический, социальный, экономический, институциональный, культурный потенциалы и увеличивающих внутреннее потребление, которые выступают объективной базой роста конкурентоспособности стран-участниц» [3, с. 189]. По существу «экономическая интеграция является способом коллективного протекционизма от третьих стран и может принимать в зависимости от глубины взаимопроникновения экономических отношений различные формы (преференциальная зона, зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз)» [4, с. 122].

Следует учитывать, что «под воздействием принципиально новых явлений в хозяйственной деятельности экономическая система общества радикально изменилась, невероятно усложнившись. Для современной экономической науки зачастую характерен недоучет влияния внешних, в том числе и неэкономических, факторов, которые могут кардинальным образом воздействовать (что и происходит в современном глобальном мире) на классическое протекание экономических циклов, быстро разрушая привычное течение хозяйственной жизни в обществе, изменяя объект экономической науки» [5, с. 14]. Транзитивная экономика добавляет еще большую неопределенность и динамизм процессам, происходящим в хозяйственной деятельности общества. В свое время нами уже подчеркивалось, что «Республика Беларусь – это молодое динамично развивающееся государство, экономическая система которого функционирует в условиях диалектического единства общего и особенного. Реальные экономические отношения у нас развиваются под воздействием универсальных экономических законов и закономерностей, трансформирующихся под воздействием уникальных белорусских институциональных особенностей. В виду этих особенностей для нашей страны не применимо слепое копирование теоретических подходов и практических механизмов, выработанных и использованных в других социумах» [6, с. 2].

Все вышесказанное легло в основу методологии исследования участия в Таможенном союзе как фактора повышения экономической конкурентоспособности стран с транзитивной экономикой вообще и Республики Беларусь в частности.

Таможенные союзы стран с транзитивной экономикой имеют свои особенности, что предопределяется их феноменологической природой. Поскольку существующие теоретико-методологические подходы к трактовкам транзитивной экономики (экономики переходного периода) радикально различаются, то прежде чем перейти к рассмотрению особенностей таможенных союзов этих стран необходимо однозначно определить, что нами будет пониматься под категорией транзитивная экономика. При этом в рамках нашей работы не предполагается исчерпывающая характеристика всех существующих по этой проблеме точек зрения, а, напротив, нами оставляется за собой право рассмотреть только наиболее характерные из них и исключительно в контексте заявленной выше проблемы.

В западной науке традиционно сложилось представление о «дихотомии двух миров с централизованной и рыночной экономикой» [7, с. 21]. Это противопоставление наблюдалось на двух уровнях абстракции: абстрактной экономической теории [8, с. 257; 9; 10; 11; 12; 13] и конкретных исследований [14, с. 354]. Как естественный результат такого гносеологического упрощения (основанного, как правило, на чрезмерной идеологизации рассматриваемого объекта) оказалась неготовность западной экономической науки дать практические рекомендации по реформированию экономик переходного периода. Фундаментальная экономическая наука постсоциалистических стран также оказалась к этому не готовой, поскольку также занималась исследованием идеальных («чистых») экономических систем.

Если рассматривать исторически существующие экономические системы, то все они включают в себя различные социально-экономические уклады, отличие между ними

заключается как в соотношении этих укладов, так и в том, в рамках какой цивилизации и какой материально-технологической среды они функционируют. С развитием человеческого общества социальное разнообразие постоянно возрастает. В связи со сказанным следует согласиться с мнением А.Л. Подгайского, представителя цивилизационного подхода в белорусской политической экономии, который, придерживаясь научной традиции «Данилевского-Леви-Строса», трактующей социальное развитие как нелинейный и поливариативный процесс, отметил, что «смысл прогресса в рамках этой традиции (*традиции «Данилевского-Леви-Строса» – С.С.*) заключается не в нарастающем универсализме исторического процесса, а в умножении разнообразия социальных форм бытия, в позитивных результатах взаимодействия» [15, с. 8]. Также следует учитывать, что «ни синергетика, ни цивилизационный подход не отрицают эвристического потенциала исследования общих тенденций, определяющих «лицо» человечества в целом. Но оба направления далеки от того, чтобы признавать за выводами таких исследований абсолютно значимый характер. Они настаивают лишь на универсальности общих принципов самоорганизации социальных систем. Отвергая представления об обществе как некотором однородном континууме, эти направления рассматривают в качестве истинных субъектов истории все многообразие социальных формирований между обществом и индивидом. Речь идет о том, что универсальные закономерности и черты социально-экономического прогресса в целом находят различное преломление в непреходящем разнообразии социально-экономической действительности» [15, с. 8-9].

При дальнейшей трактовке современного хозяйства мы будем исходить из того, что оно многоукладно, сочетает в себе универсальные и национальные особенности, характеризуется доминированием индустриального или постиндустриального технологического уклада, множеством форм собственности, экономической обоснованностью, декларируемой свободой предпринимательства и обязательным вмешательством государства в экономику. Поскольку названная форма хозяйствования выступает как результат государственного и социального регулирования, то это неизбежно приводит к огромному разнообразию исторических форм рыночных институтов.

В результате отсутствия методологической основы системного исследования переходных форм к рыночной системе хозяйствования (для анализа частных рыночных феноменов, например: финансовых или товарных рынков, в странах с развитой экономикой она была выработана) к моменту начала переходного периода в постсоветских странах, а также того, что самой проблемой такого перехода никто вообще не занимался, транзитивные страны оказались перед сложной проблемой необходимости модернизации национальной экономики в условиях отсутствия для этого теоретической базы. Естественно, что это привело к огромным социальным и экономическим издержкам, в условиях, когда достигнуть конечного идеального результата так и не удалось.

Констатируя эту теоретико-методологическую ситуацию, в научном сообществе возникают обоснованные сомнения, «дозрела ли транзитология до статуса теоретической дисциплины, т.е. обладают ли ее выводы достаточной общностью» [28, с. 19]. Такое состояние дел объясняется тем, что «процесс перехода от плановой к рыночной экономике имеет сильную страновую специфику» [7, с. 19] и «переходная экономика в отличие как от рыночной, так и от централизованной, очевидно не представляет собой законченную равновесную систему с сильными устойчивыми закономерностями» [7, с. 19-20]. Иначе говоря, транзитивные экономические системы обладают очень высокой неопределенностью и, соответственно, национальной спецификой.

Транзитивная экономика – это неравновесная и несбалансированная экономическая система общества, отличающаяся как повышенным динамизмом своих компонентов, так и значительными рисками при принятии неправильной стратегии реформирования. Транзитивная экономика в ряде случаев может рассматриваться как переходная экономика, но только тогда, когда в результате ее естественной эволюции обществу удалось перейти в

иное качественное состояние, способствующее усилению жизнеспособности социума (например, перейти от административно-командной экономике к преимущественно рыночной, с доминированием в ней новейших технологических укладов). Если же такой переход не увенчался успехом, то транзитивная экономика перерастает в посттранзитивную, которая в современных условиях характеризуется низкоэффективной экономикой, деиндустриализацией производства и господством в хозяйственной жизни олигархических структур.

Соответственно для рассмотрения этих систем не могут быть использованы ни неоклассические «мейнстримовские» подходы (поскольку они исследуют экономические отношения в условиях идеального рынка), ни эволюционное экономическое направление (акцентирующее внимание на экономической истории транзитивных обществ, но данные исторические уроки, как было показано выше, малоприменимы для понимания этих процессов в рамках иных цивилизаций и культур) [16]. Институциональный подход в настоящее время также не может быть использован как основа исследования обществ переходного периода, поскольку до сих пор не удалось однозначно ответить на вопрос о том, что первично – экономический рост или институциональные реформы.

По нашему мнению, теоретико-методологической основой исследования таможенных союзов стран с транзитивной экономикой может выступать только современная политическая экономия. Под последней понимается экономическая теория «политического процесса и взаимодействия экономических и политических факторов», а не синоним «экономической теории вообще и английской классической и марксистских школ в частности» [7, с. 35]. Продолжая уже сказанное выше, хочется подчеркнуть, что политическая экономия – это социальная наука, изучающая отношения между социальными субъектами, включенными в единый, относительно устойчивый, организационно оформленный материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляется внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы всех сфер общественной жизни. Политэкономия исследует законы, управляющие развитием социально-экономических системы, а также рассматривает названные системы в различные исторические периоды и эпохи, через призму субъектных (межклассовых) отношений.

С учетом названных методологических уточнений, при формировании таможенных союзов страны с транзитивной экономикой должны исходить из:

во-первых, совпадения у них экономических интересов и цивилизационной общности, на основании чего они могут выстраивать свою геоэкономическую доктрину, которая должна включать в себя: политико-экономическую оценку эффективности решений по формам и механизмам социально-экономического взаимодействия, интеграции, а в ряде случаев и помощи странам-партнерам;

во-вторых, учета современного этапа глобализации, сопровождаемого быстрым ростом транснациональных корпораций, которые, с одной стороны, выходят из под контроля национальных государств, а с другой – широко используют поддержку правительств тех стран, где находятся их головные офисы, для обеспечения своих конкурентных преимуществ политическими, военными, идеологическими и иными средствами. С развитием ТНК возрастает борьба между ними как за передел уже существующих рынков, так и за захват новых. Соответственно страны с транзитивной экономикой должны прилагать усилия как для поддержки своих ТНК, так и для контроля за тем, чтобы деятельность последних не шла в разрез с национальными интересами;

в-третьих, учета постоянной угрозы нелегального разрушения своих экономик путем использования информационного оружия, что требует объединения усилий стран, участвующих в интеграционных группировках, с целью противодействия названной угрозе.

Надо учитывать, что страны с транзитивной экономикой не являются экономическими лидерами и перед ними стоит цель стать сегодня таковыми. Для экономически развитых стран стоит цель удержать свое лидерство, причем удержать по существу любыми средствами. Это антагонистическое противоречие между транзитивными и развитыми рыночными экономиками существенно влияет на развитие международных политэкономических отношений. Страны-лидеры пытаются скрывать свои цели за либеральными идеологическими лозунгами, не гнушаясь применять военную силу в случае такой необходимости. Сегодня существует понимание такого положения вещей у лидеров наиболее сильных транзитивных общества. Об этом свидетельствуют действия стран БРИК, создание интеграционных объединений в СНГ и т.д.

В последние двадцать лет значительно повысилась неустойчивость мировой экономики, что, прежде всего, связано с изменением в ней роли и функций финансов, а также значительным усилением глобальной финансовой неустойчивости. Причем в основе последней лежит «изменение природы и роли финансов: из обеспечивающих и обслуживающих экономику они стали доминирующими над экономикой», – отмечает М.А. Сажина, – «более того, работая преимущественно на себя, они действуют глобально». Оторванные от своего материального носителя, глобальные виртуальные финансы постоянно движутся, причем с очень высокой скоростью: за секунду миллиарды долларов, а за день триллионы долларов могут сменить своих собственников. В результате для виртуальных денег характерна постоянная смена субъекта собственности и диффузия прав собственности. Вследствие этого они потеряли такую характерную черту как управляемость, выключились из процесса рыночного саморегулирования, усилили риски и придали экономике черты нестабильности» [17, с. 32]. Современные глобальные финансы значительно нарушают действие рыночных законов в планетарном масштабе. Причем это нарушение намного больше, чем то нарушение, которое наблюдалось в период после Второй мировой войны в хозяйственной деятельности всех социалистических стран. Гносеологическое осмысление новой роли финансов во многом затруднено (помимо того, что современные глобальные финансы – это принципиально новое явление в экономической истории) еще и тем, что на региональном и страновом уровне финансы в ряде случаев продолжают выполнять свои традиционные функции. Непонимание последнего может привести к достаточно парадоксальным и необоснованным предложениям, как например у В.Н. Усоского, разделить всю национальную экономику исключительно по критерию отношения к финансам: на финансовый и не финансовый секторы. При таком подходе по существу ставится равенство между такими существенно отличными сегодня явлениями, как глобальные и национальные финансы.

Результаты деятельности глобальных финансов в условиях отсутствия действенных межстрановых институционально-финансовых фильтров (барьеров), защищающих национальные экономики от спекулятивных атак глобальной финансовой системы, могут очень быстро разрушить национальный промышленный комплекс, сельское хозяйство и в целом сложившийся в данной стране уклад хозяйственной жизни. При этом «нарушаются не только сложившиеся макроэкономические пропорции, но и возникают новые диспропорции. Среди них: разрыв между инвестициями и сбережениями, появились страны с хроническим дефицитом и хроническим профицитом текущих статей платежного баланса, растет задолженность, учащаются и усиливаются финансовые кризисы» [17, с. 32]. При этом основой глобальной финансовой неустойчивости является долларизация мировой экономики. В период золотого обеспечения доллара как основной резервной валюты это во многом отражало политико-экономические реалии второй половины сороковых – начала семидесятых годов прошлого века, когда сразу после Второй мировой войны США производили 56% мирового промышленного и сельскохозяйственного производства и обладали примерно 70% мирового запаса золота.

После отказа от золотого обеспечения доллара США получили возможность «проводить фактически ничем не ограниченную эмиссию доллара, стимулировать внутренний спрос в стране, не обеспечивая его реальным ростом экономики. В конечном счете это привело к чрезмерному увеличению денежной массы резервной валюты и к снижению ее эффективности. В результате США сняли с себя и со своих банков всякие обязательства за эмитируемые ими доллары» [17, с. 32]. Как результат, чтобы уменьшить свои финансовые риски все страны – владельцы долларовых валютных резервов, помещали их на счета американских банков, а у последних возникла проблема, как размещать эти лишние доллары, которые изначально не были востребованы американским рынком. «Банки пустились финансировать "пузыри" на фондовом рынке, раздавать дешевые ипотечные кредиты практически без всякого контроля за заемщиками, осуществлять льготное кредитование диктаторских режимов в мире. Но самое негативное следствие этих действий состоит в том, – справедливо отмечает М.А. Сажина, – что американские финансовые институты стали формировать международные "горячие деньги", которые начали кочевать по фондовым и валютным рынкам разных стран, усиливая их цикличность, ввергая в постоянные подъемы и кризисы» [17, с. 32].

Сегодня многие страны пытаются минимизировать зависимость своих экономик от горячих денег и глобальных финансов. По нашему мнению, важной целью расширения Таможенного союза Беларуси, России и Казахстана, а сегодня уже это не таможенный союз трех стран, а Евразийский экономический союз пяти стран, должно стать ослабление негативного влияния на экономики стран-членов глобальных спекулятивных финансов, увеличение доверия домашних хозяйств и коммерческих организаций к национальной валюте. При этом следует отметить, что, несмотря на то, что в России названный коэффициент самый высокий среди стран Евразийского экономического союза, уровень монетизации в ней также недостаточно высокий.

Политэкономические и геоэкономические события 2014 г., приведшие к девальвации национальных валют Беларуси, России и Казахстана не могли положительно повлиять на изменение коэффициента монетизации в этих странах. В целом такая ситуация «свидетельствует о низком уровне доверия субъектов экономики к национальной валюте» [18, с. 134].

Для существенного повышения коэффициента монетизации в странах Евразийского экономического союза как важного фактора уменьшения рисков негативного влияния на экономики стран-членов глобальных спекулятивных финансов и увеличения доверия домашних хозяйств и коммерческих организаций к национальной валюте, следует рассматривать переход этих стран к общей и единой валюте. Об этом время от времени начинают говорить на самом высоком уровне. Например, как ранее заявлял первый вице-премьер Российской Федерации И. Шувалов, создание единой валюты России, Беларуси и Казахстана произойдет через 5–10 лет. «Большая часть экспертов уверена, что создание новой валюты поможет защитить экономику стран Евразийского экономического союза» [19]. Премьер-министр Армении Т. Саркисян также считает, что создание наднациональной валюты в рамках Евразийского экономического союза экономически выгодно, в частности он отметил по этому поводу, что «это (*создание единой валюты – С.С.*) должно стать следующим этапом интеграции в рамках организации, что вполне логично с точки зрения упрощения денежного обращения при трансфертах» [20]. К новому финансово-экономическому пространству, инициатором которого в 2012 г. выступил Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев, выражают интерес многие страны, например, Таджикистан. Предполагается создание наднационального мегарегулятора единой валюты – Евразийского центробанка, который будет жестко подчиняться совету из президентов или премьеров государств ЕАЭС [20].

Основой создания и успешного функционирования единой валюты Беларуси, России, Казахстана, Армении и Киргизии будет российская экономика, которая «имеет в своем

распоряжении трети в мире международные резервы, более 500 миллиардов долларов, и ВВП порядка 2 триллионов. Поэтому с учетом профицитного бюджета и стремлением всех стран ТС добиться поставленной задачи, сформировать единую валютную зону будет достаточно просто. Более того, введение единой наднациональной расчетной единицы позволит странам ТС избавиться от долларовой зависимости, что в свою очередь будет способствовать росту взаимной торговли, а также стимулировать общий рынок инвестиций» [20].

Вместе с тем для защиты национальные экономики стран, входящих в ЕАЭП, от спекулятивных атак глобальной финансовой системы не достаточно только создания единой валюты, требуется также формирование коллективных институционально-правовых механизмов минимизации рисков спекулятивных атак на внутренние финансовые рынки. Задача эта очень сложная и не может быть решена мгновенно, поскольку без участия в глобальных финансах невозможно динамичное развитие в современном мире и автаркия пагубна для любой экономики. С другой стороны, свободный допуск на внутренний рынок спекулятивных глобальных финансов также пагубно скажется на экономической системе. Соответственно, существует насущная необходимость кропотливой работы по определению меры и механизмов участия финансового рынка стран, входящих в ЕАЭП, в глобальных финансах.

При всей важности для развития национальной экономики финансовых ресурсов обеспечение продовольственной безопасности является более приоритетной проблемой. Понимание этого со стороны руководства стран, входящих в ЕАЭС, предопределило создание единого институционального механизма функционирования сельскохозяйственной экономики Беларуси, России и Казахстана. «Важнейший приоритет в формате их интеграционного объединения, – отмечает по этому поводу О.В. Сидоренко, – обеспечение коллективной продовольственной безопасности» [21, с. 21]. В ближайшее время к названному механизму присоединится и Армения.

Как отмечают многие исследователи, «важнейшей характеристикой продовольственной безопасности государств и интеграционных формирований является достигнутый уровень продовольственной независимости, измеряемый как отношение совокупного собственного производства к совокупному потреблению» [21, с. 22]. В целом по ЕАЭС по большинству продовольственной продукции уровень продовольственной безопасности значительно ниже необходимых 100%. В условиях применения экономических санкций против Российской Федерации и ее ответных мер эта проблема становится актуальной для всех стран, входящих в ЕАЭП, поскольку неудовлетворенный спрос со стороны российских покупателей продовольственных товаров может и будет частично удовлетворяться за счет продовольственных рынков Беларуси и Казахстана. Последнее будет вызывать рост цен на продовольствие и в этих странах. С другой стороны, введение санкций против Российской Федерации, актуализируя проблему продовольственной безопасности в странах ЕАЭС, выступает серьезным стимулом для модернизации сельскохозяйственного производства в Армении, Беларуси, России, Казахстане и Киргизии. При этом определенные преимущества имеет белорусский АПК, который благодаря серьезной государственной поддержке сумел провести значительную модернизацию своей технической и технологической базы.

Роль и значение согласованной политики импортозамещения странами ЕАЭС в области сельскохозяйственной продукции для обеспечения их продовольственной безопасности сегодня трудно переоценить. При этом, как справедливо отмечает Т.П. Максимова, «импортозамещение в рамках национальных экономик традиционно играет двоякую роль: с одной стороны, расширяет предложение на внутреннем рынке продуктов питания. С другой стороны, постепенно вытесняет неконкурентоспособное внутреннее производство» [21, с. 41]. В условиях санкционного противостояния руководство Российской Федерации вынуждено отказаться от иллюзий, что в рамках ВТО можно стратегически

решить проблемы продовольственной безопасности, а отсюда возникает насущная необходимость «поиска внутренних механизмов решения данной проблемы в долгосрочной перспективе с тем, чтобы иметь «внутренний иммунитет» к любым внешнеполитическим и экономическим вызовам» [21, с. 41]. В области решения проблемы продовольственной безопасности Российской Федерации без дальнейшей интеграции белорусско-российского АПК не возможно.

Как отмечает Т.П. Максимова, в современной экономической науке существует несколько основных моделей развития сельского хозяйства: «Во-первых, это автаркическая модель, характерная для экономических систем с преобладанием аграрного способа производства: чаще всего относится к «азиатскому» и феодальному способу производства. Во-вторых, это имперская модель: относится к первому-третьему технологическим укладам. В-третьих, динамическая модель, которую еще характеризуют как «зеленую революцию». Данная модель составляет содержание четвертого-пятого технологических укладов в аграрной сфере экономики. В-четвертых, это инновационная модель в рамках формирующегося шестого технологического уклада, для которого характерно освоение современных биотехнологий, включая генно-инженерные, производство экологически чистого продовольствия» [22, с. 41]. Роль ЕАЭС велика: во-первых, в решении проблемы обеспечения продовольственной безопасности стран, в него входящих, поскольку эти страны обладают различными абсолютными конкурентными преимуществами, а значит, их можно оптимально комбинировать, достигая при этом высокого уровня эффективности аграрного сектора. При продуманной и согласованной аграрной политике, включая значительную государственную поддержку производителей, в рамках ЕАЭС проблема продовольственной безопасности может быть решена уже в ближайшие годы; во-вторых, в обеспечении на базе существующего АПК стран, входящих в ЕАЭС, развития сельского хозяйства по четвертой (инновационной) модели. Только такой сценарий развития аграрного комплекса ЕАЭС может обеспечить его высокую и устойчивую конкурентоспособность на внутреннем и внешних рынках.

Сегодня основной проблемой реализации инновационной модели развития сельского хозяйства в ЕАЭС является медленное инновационное развитие Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии и России. При этом наиболее критичным является то, что длительное время экономики России (самой большой экономики ЕАЭП) и Казахстана развивались по модели, ориентированной главным образом на экспорт природных ресурсов. В результате в этих странах длительное время прогрессирует голландская болезнь. В этом контексте запрет на экспорт высокотехнологических товаров в Россию из США и Европейского союза, приводящий к блокировке модели развития российской промышленности и сельского хозяйства «на основе заимствования зарубежных технологий, снижения уровня кооперации с иностранными производителями инновационных товаров» [23, с. 21], будет способствовать развитию политики импортозамещения и инновационному развитию страны. Е.А. Карова отмечает по этому поводу: «Условия внешнеэкономических санкций и переход к активному импортозамещению, по нашему мнению, должны стимулировать форсированное развитие наукоемких и высокотехнологических отраслей в потребительском секторе, а также модернизацию промышленности, что в конечном итоге обеспечит переход от сырьевой ориентации российской экономики к инновационному пути развития» [23, с. 21].

Статистика подтверждает возросшую инновационную активность российских и государственных коммерческих организаций. Так, в Российской Федерации после применения к ней экономических санкций «общий индекс инновационной активности» вырос на 18%, а число новых стартапов повысилось на 15%. При этом существенно выросла активность государства: в мае-июне 2014 г. доля новых конкурсов в рамках действующих федеральных и региональных программ выросла примерно на 25%, а их общая сумма составила порядка 5 млрд. руб. Был отмечен рост числа новых проектов в областях, наиболее зависимых от западных технологий, где импортозамещение наиболее востребовано:

биотехнологии (18%), фармацевтика (14%), сельское хозяйство (11 %), микроэлектроника (17%). Наибольший прогресс наблюдался в сфере создания беспилотных средств и робототехники» [23, с. 22].

Таким образом, правомерен вывод, что роль и значение расширения Таможенного союза Беларуси, России и Казахстана, превращения его в ЕАЭС, заключается как в усилении интеграции между странами-участницами как в традиционных сферах (наука и промышленность), так и в тех направлениях, которые длительное время развивались менее интенсивно (финансы, сельское хозяйство). Развитие интеграции позволяет странам участникам не только получать дополнительные синергетические экономические эффекты, но и способствует созданию общего политико-экономического пространства устойчивого к внешним вызовам и угрозам.

В настоящее время интеграционные процессы в СНГ перешли на более высокую ступень. Таможенный союз Беларуси, России и Казахстана, постепенно трансформировался в ЕАЭС, попутно включив в себя Армению и Киргизию. Наряду с очевидными экономическими преимуществами такого расширения (увеличение рынков сырья, комплектующих и готовой продукции), повышением финансовой устойчивости стран-участниц (в частности за счет создания дополнительных стабилизирующих надгосударственных финансовых институтов) и т.д., перед интеграционным объединением возникает ряд новых вызовов. К последним можно отнести серьезные различия между странами-участницами в научно-технологическом, экономическом, рыночно-институциональном и культурно-цивилизационном развитии. Конечно, как мы уже отмечали ранее, плюсов от интеграции больше, чем минусов, но закрывать глаза на последние – это значит делать проблемы политико-экономические латентными, т.е. плохо контролируемые. Поэтому, по нашему мнению, когда речь идет о расширении Таможенного союза как фактора повышения экономической конкурентоспособности стран-участниц, необходимо учитывать и положительные, и отрицательные тенденции.

Исходя из такого подхода, все факторы повышения экономической конкурентоспособности стран-участниц Таможенного союза, связанные с его расширением, могут быть условно разделены на две основных группы: 1. снижающие социальные, политические и экономические риски (внешние шоки), возникающие в результате усиления глобальной политэкономической нестабильности, расширения феномена глобальных финансов и растущего применения на международной арене информационного оружия как способа разрушения экономик стран-конкурентов; 2. повышающие технологический, социальный, экономический, институциональный, культурный потенциалы и увеличивающие внутреннее потребление, которые выступают объективной базой роста конкурентоспособности стран-участниц.

Постановка на первое место среди факторов повышения экономической конкурентоспособности стран-участниц Таможенного союза тех факторов, которые способствуют снижению внешних шоков, вполне закономерна в начале XXI века, когда взаимозависимость стран и регионов достигла своего исторического максимума, а конфликтность в международных отношениях продолжает возрастать. Э. Ласло отмечает, что «конфликты создают неустойчивость и напряжение в структуре международных отношений» [24, с. 9].

В современных условиях под воздействием ускорения НТП (в том числе и в сфере общественно-функциональных инноваций) социальное время сжимается, а нестабильность социальной и культурной сфер (во многом как результат событий 1968 г.) в странах золотого миллиарда постоянно подогревается нарастанием в них классовых противоречий и усилением классовой борьбы. То, что эта борьба в ЕС часто принимает форму этнических или региональных противоречий, только усложняет понимание этого процесса, препятствует разработке действенных инструментов смягчения этих противоречий. Г.В. Плеханов писал: «Интересы различных классов не всегда противоположны. Но для возникновения классового

антагонизма достаточно простого различия интересов <...> А иногда для возникновения классово-борьбы не нужно имущественного неравенства, а достаточно различия местных интересов» [25, с. 480-481].

Стремясь смягчить внутренние противоречия и переложить на другие страны затраты на проведение социальной политики в странах золотого миллиарда, их руководство, политические и финансовые элиты усиливают свое политическое, военное и идеологическое давление на остальные страны. Да и между странами золотого миллиарда усиливаются политико-экономические противоречия. Как результат – возникло новое мироустройство. Я.С. Яскевич пишет по этому поводу: «Противоречивая и конфликтная модель современного социально-политического развития постулирует сегодня формирование нового мироустройства, ориентированного на моральный императив, спецификацию новой риск-стратегии национальных государств, признание современного общества «позднего модерна» обществом риска и трактовкой риска как положительного феномена, понимание рискогенности современности, для которой характерны неопределенность и увеличивающийся индетерминизм социальных структур и социальных агентов» [26, с. 7]. Поэтому Таможенный союз Беларуси, России и Казахстана, ЕАЭС (и сейчас, и по мере их расширения) во многом направлены на нейтрализацию геополитических рисков с такими их угрожающими компонентами и последствиями, как риск завоевания государства, риск распада государства под воздействием внешних шоков и риск снижения суверенитета государства как его способности отстаивать свои интересы на международной арене, запуская механизмы внутреннего риска [27, с. 24], [26, с. 7-8].

Глобальная политическая и социально-экономическая нестабильность также усиливается с переходом экономически развитых стран к более высокому технологическому укладу, что сопровождается хроническим институциональным кризисом классического капитализма. Это происходит из того, что «когда сложные открытые системы достигают критической нестабильности, для них наступает момент истины: они либо трансформируются, либо разрушаются» [24, с. 11].

Таким образом, для современного западного общества, прежде всего, общества потребления, наступил момент истины – исчезнуть с мировой арены или радикально трансформироваться. При любом варианте событий это усилит глобальную неопределенность.

Насколько успешными будут усилия стран-участниц Таможенного союза по минимизации социально-экономического ущерба, возникающего как результат внешнего недружественного воздействия со стороны других стран, настолько будет возрастать и экономическая конкурентоспособность стран-участниц Таможенного союза. При этом, чем больше стран (со схожими институциональными матрицами) войдут в Таможенный союз, чем более оптимальные формы и механизмы проведения интеграции на постсоветском пространстве будут найдены и соответственно, чем выше будет уровень межгосударственного экономического сотрудничества в институциональных, социальных и технологических сферах, тем большее положительное влияние будет оказывать названная интеграция на экономическую конкурентоспособность стран-участниц.

Можно однозначно утверждать, что несмотря на то, что «в связи с бурным ростом других государств «однополярный момент» закончился и эпоха Pax-Americana — эра американского доминирования в мировой политике, которая началась в 1945 г. — стремительно движется к своему завершению» [28], – это никак положительно не повлияет на стабильность международных отношений. Напротив, стремление со стороны США удержать за собой геоэкономическое лидерство, а со стороны других стран и межгосударственных объединений – урвать себе кусок пирога побольше только усилит геоэкономические и политико-экономические риски. В связи с этим значение создания и развития межгосударственных союзов на постсоветском пространстве становится жизненно важным не только для повышения экономической конкурентоспособности стран-участниц,

но и для сохранения национального суверенитета, а возможно и физического выживания наших народов. В.Н. Шимов и Я.С. Яскевич по этому поводу отмечают, что «Евразийский экономический союз можно рассматривать как своего рода альтернативу модели однополярного мира с ее установкой на мировое господство и гегемонию, «новый порядок веков», модель «мира по-американски». Культурно-исторические, социально-политические, экономические, этнорелигиозные отношения внутри страны являются важнейшими компонентами интеграционных процессов» [26, с. 9].

Нелинейная динамика многих глобальных процессов экономического и политического характера, функционирование мировых рынков капиталов и энергоносителей, мировой банковской системы, товаров и услуг обуславливают необходимость более внимательного изучения сценариев развития геополитических интеграционных процессов и рисков. При этом необходима рациональная оценка национальной экономики, построение долговременной экономической стратегии страны с учетом трендов мировой хозяйственной системы [29, с. 7], [26, с. 9].

Действие факторов повышения экономической конкурентоспособности стран-участниц Таможенного союза, связанных с его расширением, второй группы (повышающие технологический, социальный, экономический, институциональный, культурный потенциалы и увеличивающие внутреннее потребление, которые выступают объективной базой роста конкурентоспособности стран-участниц) неразрывно с действием вышеописанных факторов. Причем эта зависимость взаимна: чем успешнее преодолеваются внешние шоки, тем более благоприятные условия в стране для технологического, социального, экономического, институционального, культурного развития, роста ВВП и увеличения внутреннего потребления, в том числе и домашних хозяйств.

С другой стороны, чем выше технологический, социальный, экономический, институциональный и культурный уровень, чем больше темпы роста ВВП и потребления домашних хозяйств, тем устойчивее национальная экономика к внешним шокам. Не случайно сегодня, как отмечает Я.С. Яскевич: «среди факторов, влияющих на оценку интеграционных процессов и рисков, выделяют материальные ресурсы (капитал, трудовые ресурсы, профессиональные навыки, культура управления, технологии, природные ресурсы); социально-политические факторы (социальная неоднородность, расслоение общества, распределение дохода, политическая система, внутренние конфликты, легитимность правящей элиты); политику правительства, (цели, финансовая политика, денежная политика, промышленная политика, политика занятости, торговая политика, инвестиционная политика, структурная политика, внешняя политика, политика доходов); международные факторы (геополитические, цены на нефть, цены на товары, валютные курсы, процентные ставки, инфляция, торговые тенденции)» [30], [26, с. 10].

Факторами роста экономической конкурентоспособности стран-участниц Таможенного союза, связанными с его расширением, за счет повышения технологического, социального, экономического, институционального, культурного потенциалов, увеличивающими внутреннее потребление и устойчивый рост ВВП, как нами уже было показано, выступают оптимизация форм и усиление межстранового сотрудничества в сферах: финансовой, научной, технологических обменов, продовольственной безопасности, промышленного производства. Эти направления нами уже достаточно полно были раскрыты выше и поэтому подробно опишем лишь такой важнейший фактор, как скорейший переход к новейшему технологическому укладу, под которым нами будет пониматься хозяйственная система «с присутствием научно-технического ядра, возникшего на основе научно-технического прорыва, воплощенного в соответствующем типе индустрии со специфическими организационно-экономическими отношениями» [31, с. 3].

Переход к новейшему технологическому укладу для Республики Беларусь означает создание социально-научного сообщества, материальную базу которого формирует сверхиндустриальная экономика. «Стратегический курс на проведение новой

индустриальной политики, – справедливо отмечает по этому поводу Т.В. Сергиевич, – должен охватывать не только технологическую и экономическую системы, но и систему общественных отношений, в частности отношений, складывающихся в процессе трудовой деятельности» [32, с. 54]. Отличительной особенностью перехода к этому этапу является быстрый рост роли общественных наук и общественно-функциональных инноваций в народном хозяйстве. При этом в экономической науке возникает необходимость (проистекающая из изменения предмета этой науки) создания новой экономической парадигмы. С.Ю. Глазьев по этому поводу писал: «В основу методологии новой парадигмы обществоведения должны лечь современные общесистемные представления о процессах развития. Согласно этим общесистемным представлениям развитие любой системы представляет собой неравномерный процесс, определяемый ее структурой» [33, с. 50]. Доктор экономических наук А.В. Барышева справедливо замечает по этому поводу: «Можно утверждать, что человек действительно движется к новой модели научного познания, которая представляет собой открытый, нелинейный, самоорганизующийся процесс. Опыт такого познания не просто представляет большой интерес для науки, но он жизненно необходим — это средство выхода ее из кризиса и завоевания новых высот» [34, с. 10]. Далее она поясняет, что именно на этапе становления экономики знаний потребность пересмотра предмета экономической науки «превращается в настоятельную необходимость <...> Стало очевидно, что научный анализ экономического, в том числе инновационного, развития не может опираться лишь на традиционные экономические процессы и предпосылки: финансирование, стимулирование спроса, рыночные методы регулирования инноваций, коммерциализацию знаний и проч. в отрыве от социокультурных, этических, психологических, духовных, политических факторов, вне контекста философского осмысления проблем. Стоимостные показатели, традиционно, в количественных терминах отражающие ход хозяйственной деятельности и движение макроэкономических величин, в преддверии общества, основанного на знаниях, не могли адекватно описать экономическое развитие страны и факторы, его определяющие» [34, с. 10-11].

А.В. Барышева, вслед за Ж. Бодрийяром подчеркивает, что «современная экономика, основанная на знаниях, это не продолжение тенденции мирового развития, а принципиально иное явление во всех отношениях, ведущее к кардинальному изменению коренных основ экономики и общества в целом, становлению новой парадигмы общественно-экономического развития и требующее новой парадигмы научного познания. Можно сказать, что это другой мир, другое общественное устройство, новая система отношений, иное сознание, иные принципы взаимодействия, иная протяженность времени, связанная с чрезвычайным динамизмом жизненного пространства» [34, с. 10-11].

Поскольку хозяйственная деятельность превращается в создание, распространение и использование знаний, то человеческая мысль, идея стали не просто непосредственной производительной силой, но при необходимости и разрушительным оружием (информационное оружие), хоть и уступающим по мощности атомной бомбе, но в отличие от последней – повсеместно используемым и поэтому куда более страшным.

На фоне виртуализации экономики и расширения глобальных финансов проблема создания единого социально-научного сообщества в рамках СНГ как персонификации и социализации человеческого капитала как главной производительной силы сверхиндустриальной экономики и как важнейшего фактора обеспечения устойчивости к внешним шокам и информационной агрессии становится важнейшим условием повышения экономической конкурентоспособности стран-участниц. При этом, расширение Таможенного союза становится как важной предпосылкой создания единого социально-научного сообщества стран-участниц, так и серьезным стимулом для расширения этого союза.

ВЫВОДЫ

Проведено подробное и комплексное исследование социально-экономической природы таможенных союзов, были уточнены особенности формирования таможенных союзов стран с транзитивной экономикой. К последним относятся: совпадения у стран-участников экономических интересов и цивилизационной общности; учет современного этапа глобализации, сопровождаемого быстрым ростом транснациональных корпораций, которые, с одной стороны, выходят из под контроля национальных государств, а с другой – широко используют поддержку правительств тех стран, где находятся их головные офисы для обеспечения своих конкурентных преимуществ политическими, военными, идеологическими и иными средствами; учет постоянной угрозы нелетального разрушения своих экономик путем использования информационного оружия, что требует объединения усилий стран, участвующих в интеграционных группировках, с целью противодействия названной угрозе. Были раскрыты особенности Таможенного союза Беларуси, России и Казахстана как фактора повышения экономической конкурентоспособности стран-участниц, а также определены роль и значение расширения Таможенного союза Беларуси, России, Казахстана. При этом показано, что в рамках Таможенного союза Беларуси, России, Казахстана созданы благоприятные условия для роста конкурентных преимуществ всех стран-участниц. В отличие от Европейского Союза и НАФТА Таможенный союз Беларуси, России и Казахстана демонстрирует более высокие темпы экономического роста и становится привлекательным для многих стран на территории СНГ. Установлено, что роль и значение расширения Таможенного союза Беларуси, России и Казахстана, превращения его в ЕАЭС, заключается в усилении экономической интеграции между странами-участницами, что позволяет последним не только получать дополнительные синергетические экономические эффекты, но и способствует созданию общего политико-экономического пространства, устойчивого к внешним вызовам и угрозам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солодовников, С. Ю. Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сборник научных статей/ БНТУ; редкол.: С. Ю. Солодовников (предс. редкол.) [и др.]. – Минск: БНТУ, 2013 – № 1. – С. 5-33.
2. Солодовников, С. Ю. Феноменологическая природа взаимообусловленности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сборник научных статей/ БНТУ; редкол.: С. Ю. Солодовников (предс. редкол.) [и др.]. – Минск: БНТУ, 2015. – № 3. – С. 23-34.
3. Солодовников, С. Ю. Влияние расширения таможенного союза на экономическую конкурентоспособность Беларуси и Армении / С. Ю. Солодовников, Т.В. Иванова // Экономическая наука сегодня: сборник научных статей/ БНТУ; редкол.: С. Ю. Солодовников (предс. редкол.) [и др.]. – Минск: БНТУ, 2016. – № 4. – С. 188-195.
4. Евразийская экономическая интеграция/ С. Ю. Солодовников, Ю. В. Мелешко // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук/ Национальная академия наук Беларуси; редкол.: А. А. Каваленя (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2016. – №3. – С.121–125.
5. Солодовников, С. Ю. Теоретико-методологические основы исследования взаимосвязи теории трудовой мотивации и динамики трудовых отношений / С. Ю. Солодовников, Т. В. Сергиевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 5. – С. 12-16.
6. Солодовников, С. Ю. Социальный капитал как экономический ресурс / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 5. – С 2-9.

7. Переходная экономика: теоретические аспекты, российские проблемы, мировой опыт / Отв. ред. В. А. Мартынов, В. С. Автономов, И. М. Осадчая. – М.: ЗАО «Издательство "Экономика"», 2004. – 719 с.
8. Becker G. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior // *Journal of Political Economy*. 1993. Vol. 101.
9. Block, F. The Role of the State in the Economy // *The Handbook of Economic Sociology* / N. Smelser, R. Swedberg (eds.); Evans P. B. *Embedded Autonomy*. Berkeley: University of California Press, 1995.
10. Boyer, R. The Variety and Unequal Performance of Really Existing Markets: Farewell to Doctor Pangloss // *Contemporary Capitalism: The Embeddedness of Institutions* / J. R. Hollingsworth, R. Boyer (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
11. Frye, T. The Invisible Hand and the Grabbing Hand / T. Frye, A. Shleifer // *American Economic Review. Papers and Proceedings*. 1997. Vol. 87. № 2.
12. Shleifer, A. The Grabbing Hand: Government Pathologies and Their Cures / A. Shleifer, R. Vishny. - Cambridge: Harvard University Press, 1998. –P. 354-358.
13. Swedberg, R. Markets as Structures // *The Handbook of Economic Sociology* / N. Smelser, R. Swedberg (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1994. – P. 257-260.
14. Котлер, Ф. Основы маркетинга / Ф. Котлер, Г. Армстронг, Дж. Сондерс, В. Вонг. – М.: Вильямс, – 1998.
15. Подгайский, А. Л. Взаимодействие доминирующих и периферийных укладов как составляющая социально-экономической динамики / А. Л. Подгайский // *Гуманітарна-економічний вісник*, 2008. – № 3 (42). – С. 8–13.
16. Gregory, H. R. *Russian and Soviet Economic Performance*. 6 Edition. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1998.
17. Сажина, М. А. Природа современных финансов / М. А. Сажина // *Экономические науки*. – 2014. – № 9 (118). – С. 25-33.
18. Гулиев, О. Ф. Влияние денежно-кредитной политики на макроэкономические показатели в странах Таможенного союза / О. Ф. Гулиев // *Экономические науки*. – 2014. – № 9 (118) – С. 131-135.
19. Таможенный союз обзаведется собственной валютой // *Независимая газета [Электронный ресурс]*. – 2014. - Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2014-07-28/100_altyn.html. - Дата доступа: 04.03.2017.
20. *Новости Беларуси [Электронный ресурс]*. – 2014. - Режим доступа: <http://newsby.org/novosti/2014/12/20/text4578.htm>. - Дата доступа: 04.03.2017.
21. Сидоренко, О. В. Развитие зернопродуктового подкомплекса стран евразийского экономического союза в формате обеспечения коллективной продовольственной безопасности / О. В. Сидоренко // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2015. – № 1 (286). – С. 21-22.
22. Максимова, Т. П. Сущностные аспекты проблемы продовольственного обеспечения Российской Федерации: теория и практика / Т. П. Максимова // *Экономические науки*. – 2014. – № 9(118). – С. 39–42.
23. Карова, Е. А. Инновационное развитие России в условиях экономических санкций / Е. А. Карова // *Экономические науки*. – 2014. – № 9 (118). – С. 21-24.
24. Ласло, Э. Глобальная бифуркация: время принимать решения // *Куда движется век глобализации?* / Э. Ласло; под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. — Волгоград: Учитель, 2014. – С. 9-12.
25. Плеханов, Г. В. Первые фазы учения о классовой борьбе / Г. В. Плеханов // *Избранные философские произведения*. – М., 1956. – Т.2. – 828 с.
26. Яскевич, Я. С. Национальные интересы, согласие и толерантность: пространство евразийской интеграции / Я. С. Яскевич // *Вестник Белорусского государственного экономического университета. Научно-практический журнал*, 2015. – №1. – С. 5-14.

27. Глущенко, В. В. Теория государства и права: системно-управленческий подход / В.В. Глущенко. — Железнодорожный: Крылья, 2000. — 416 с.
28. Global Trends 2030: Alternative Worlds // A report of U.S. National Intelligence Council [Electronic resource]. — 2015. — Mode of access: <http://public.intelligence.net/global-trends-2030/>. — Дата доступа: 20.07.2015.
29. Шимов, В. Н. Экономика Беларуси: современное состояние и вектор перспективного развития / В. Н. Шимов // Социология. — 2014. — № 3. — С. 7-16.
30. Страновой риск и методы его оценки // Междунар. банк, операции [Электронный ресурс]. — 2015. — №2. — Режим доступа: http://www.reglament.net/bank/mbo/2008_2_article.htm. — Дата доступа: 20.07. 2015.
31. Наумович, О. А. Становление высокотехнологического уклада в экономике Республики Беларусь: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / О.А. Наумович; БГЭУ, Минск, 2014. — 21 с.
32. Сергиевич, Т. В. Труд в неоиндустриальном обществе / Т. В. Сергиевич // Научно-образовательный центр «Технологии товароведческой, таможенной и криминалистической экспертизы» Сборник научных работ № 6. Под редакцией Г. Д. Дроздова. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. — С. 50-55.
33. Глазьев, С. Ю. Закономерности социальной эволюции: вопросы методологии / С.Ю. Глазьев // Социологические исследования. — 1996. — № 6. — С.50-62.
34. Барышева, А. В. Модернизация России с позиции новой парадигмы научного познания / А. В. Барышева. — М: ООО «ИПЦ “Маска”», 2012. — 340 с.

Статья поступила в редакцию 17.06.2017